

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 7

Урок 1

САМ СКАЖИ ИМ, КТО ТЫ 15

Урок 2

ПОЛУЧАЙ ЭНЕРГИЮ ОТ СВОЕГО ВРАГА 48

Урок 3

ЛИДЕР ВСЕГДА ДЕРЖИТСЯ ОСОБНЯКОМ 86

Урок 4

ПОДРУЖИСЬ СО СВОИМИ ДЕМОНАМИ 108

Урок 5

ПОВЕСТИ ЗА СОБОЙ МОЖЕТ ТОЛЬКО
НАСТОЯЩИЙ ЛИДЕР 152

Урок 6

НЕ ПОЗВОЛЯЙ СВОЕЙ ОШИБКЕ
УПРАВЛЯТЬ ТОБОЙ 181

6 Содержание

Урок 7

ВЕДИ ЕЖЕДНЕВНУЮ ВОЙНУ
С САМИМ СОБОЙ 213

Урок 8

СИЛА РАЗУМНОГО ОЖИДАНИЯ 243

Урок 9

КАК ИЗБЕЖАТЬ МЯТЕЖА 266

Урок 10

ГЛАВНЫЙ УРОК ЛИДЕРСТВА 306

Приложение

ОСНОВЫ ЛИДЕРСТВА ЭНТА МИДДЛТОНА 315

ВВЕДЕНИЕ

У большинства из тех, с кем я встречаюсь изо дня в день, не хватает смелости задать мне тот самый *вопрос*. Меня знают в основном по телевизионным передачам. В них обычно говорится о том, что я дважды был в Афганистане в составе Сил специального назначения. И поскольку впервые я появился на телевидении в программе «САС: Дерзай и победишь»¹, принято считать, что я действовал в составе Специальной авиадесантной службы сухопутных войск, которая сокращенно значится как САС. На самом деле я являлся оператором Отряда спецназначения ВМС. Выражаясь армейским языком, я был головным дозорным. Моя задача состояла в том, чтобы провести небольшую группу спецназа к лагерю талибов² с целью осуществить так называемое жесткое задержание их главарей. Это были весьма опас-

¹ Фраза «Дерзай и победишь» является девизом Специальной авиадесантной службы (САС) сухопутных войск Великобритании и располагается на гербе этого подразделения спецназа Британских вооруженных сил. (*Здесь и далее примечания переводчика, если не оговорено особо.*)

² Здесь и далее при упоминании талибов следует иметь в виду, что «Талибан» — группировка, запрещенная в РФ. (*Прим. ред.*)

ные миссии. Из-за высокой степени секретности, которая окружает операции Сил спецназа, я не имею права о них рассказывать. Тем не менее я могу в общих словах дать ответ на тот самый вопрос.

Когда ты убиваешь человека, ты ровным счетом ничего не ощущаешь, кроме того, что всего лишь слегка, буквально на несколько миллиметров, плавным движением своего указательного пальца сдвигаешь к себе спусковой крючок. Ты ровным счетом ничего не слышишь, кроме раздавшегося глухого хлопка. Ты ровным счетом ничего не видишь, кроме того, что фигура человека исчезает из поля твоего зрения. Ты ровным счетом ничего не чувствуешь, кроме удовлетворения от хорошо выполненной работы. Однако помимо этого убийство человека не сопровождается ровным счетом ничем другим. Понимаю, это может шокировать. Возможно даже, кто-то сочтет это отвратительным и оскорбительным. Безусловно, я отдаю себе отчет в том, что это не тот шаблонный ответ, которого от меня ожидали. Это даже не то, чем я делюсь с участниками боевых действий. Многие смельчаки, вместе с которыми я служил бок о бок, навсегда травмированы теми кошмарными событиями, свидетелями и непосредственными участниками которых они стали. Я искренне сочувствую им. Быть частью команды, которой поручалось произвести жесткое задержание, означало регулярно действовать в условиях безумного стресса, с которым невозможно справиться, и практически каждый день видеть кровь и убийство. Однако лично мне приходилось бороться вовсе не с психологическими травмами, которые являлись непременным атрибутом службы в спецназе. Лично мне приходилось бороться с тем удовлетворением, которое я испытывал от этой службы. Мне нравилось все то, чем она сопровождалась, — возможно, временами даже сверх допустимой меры. Я буквально преображался в бою, испытывая

необыкновенный прилив сил и воодушевления. Я до сих пор все еще скучаю по тому удивительному состоянию, которое ощущал под пулями.

Когда ты убиваешь человека, ты ровным счетом ничего не чувствуешь, кроме удовлетворения от хорошо выполненной работы. Понимаю, это может шокировать.

А оказаться под градом пуль в Афганистане было вполне обычным делом. Ведь ты пришел туда именно за этим. Я всегда считал шанс остаться в Афганистане в живых чистой лотереей. В качестве головного дозорного я всякий раз, проникнув в лагерь талибов и приблизившись к одной из палаток, отчетливо осознавал, что меня не ожидает ничего хорошего, и мысленно прикидывал свои шансы. Это было немного похоже на рулетку, на постоянную оценку степени риска. Я задавался вопросом: «Какова вероятность того, что я ворвусь внутрь, а там окажутся враги, которые готовы ко встрече со мной? Если там враги, готовые ко встрече со мной, какова вероятность того, что они смогут выпустить больше одной очереди прежде, чем я открою по ним огонь? Какова вероятность того, что эта единственная очередь попадет мне прямо в голову и прикончит меня?» Когда я размышлял подобным образом, то в конце концов понимал, что мои шансы выжить невелики. И тогда я решал: «К чертям собачьим! Все шансы на моей стороне!» Это помогало мне сделать усилие над собой и решительно распахнуть полог палатки.

Да, чаще всего в самый первый момент в меня летели пули. Однако мой опыт подсказывал мне, что эти очереди спустя несколько секунд стихнут и, улучив паузу в стрельбе, я смогу ворваться внутрь, низко пригнувшись, потому что эти идиоты, как правило, забывали,

что при стрельбе очередями ствол АК уводит вверх и все пули уходят в потолок. Я прикидывал: «Этот гад сможет нажать на курок еще максимум один или два раза, прежде чем я брошусь на него». Если мой противник действительно выпускал еще одну или две очереди и попадал мне в грудь, то меня спасала нагрудная пластина бронежилета. Если же он попадал мне в ногу, то выгадывал себе всего лишь долю секунды, потому что я падал, и мой напарник, двигавшийся прямо за мной, за моим плечом, в мгновение ока заканчивал работу. Так что все это представлялось мне чистой лотереей. Шансы выжить у тебя есть всегда. Я постоянно занимался тем, что прикидывал эти шансы и оценивал степень риска.

Это не значит, что мне было легко. Далеко не так. Когда я отправлялся на очередную операцию, страх буквально парализовывал меня. Но как только все начиналось, в тот момент, когда я проникал на территорию лагеря талибов или вступал в огневой контакт с врагом, я оказывался в совершенно другом психологическом пространстве. Я могу это сравнить лишь с состоянием за секунды до автомобильной аварии, когда тебе кажется, будто все происходит словно в замедленной съемке. Твое сознание становится гиперактивным. Оно в считанные секунды впитывает и перерабатывает такую массу информации извне, что создается впечатление, будто время внезапно затормозилось. Ты словно становишься повелителем времени, способным полновластно контролировать его.

Это позволяло мне действовать с предельной точностью, с точностью до миллисекунд. Я находился в состоянии крайней сосредоточенности, мои движения были отточены до безупречности, животный инстинкт подсказывал мне, как действовать в следующий миг. Все клеточки моего тела находились в полной гармонии друг с другом, чтобы я мог максимально эффективно

достичь поставленной цели. Я не испытывал ровным счетом никаких эмоций, которые могли бы отвлечь меня. Для меня было важно лишь одно: полностью контролировать ситуацию и быть готовым к немедленным действиям. Чтобы хоть как-то понять мое состояние, достаточно признаться, что я ощущал себя всемогущим, как Бог. В некотором смысле я и был им в действительности. Когда в самый разгар крайне опасной операции я действовал в качестве головного дозорного, мое сознание и мое тело чувствовали себя богоподобно. Богоподобно предстояло поступать и мне: в течение доли секунды решать, кому выпадет жить, а кому умереть.

Первый человек, которого я убил в своей жизни, вышел прямо на меня из жарких, пыльных теней афганского лагеря. Была ночь. Он был одет в традиционную белую рубаху до пят, называемую дишдаш. В руках он держал АК-47, ремень которого был перекинут через правое плечо. Он остановился и прищурился, всматриваясь в темноту. Он не мог меня видеть, хотя и пытался изо всех сил рассмотреть что-либо, вытянув шею. В конце концов его усилия были вознаграждены: он смог различить два зеленых глаза моих очков ночного видения, уставившихся на него из темноты. А затем произошло то, что вскоре станет для меня привычным. В момент смерти происходит несколько событий, которые всегда имеют строгую очередность. Их перечисление в хронологическом порядке будет следующим: шок, сомнение, неверие, замешательство, оторопь. Твоя жертва страстно желает удостовериться в том, во что она никак не может до конца поверить. Ее мысли бегут наперегонки. Ее губы невольно приоткрываются на несколько миллиметров. Ее глаза прищуриваются в ночной мгле. Ее подбородок выдвигается вперед. Ее тело начинает инстинктивно менять свою позу. А затем...

Это мгновение, свидетелем которого мне неоднократно приходилось быть в Афганистане и которое

всякий раз проплывало перед моими глазами в сверхмедленных кадрах, в глубоко личном, сокровенно интимном темпе, можно отнести к числу нашего секретного оружия. Мы оставались в живых и решали поставленные перед нами задачи только потому, что были способны действовать в крошечные доли секунды, подобные этому мгновению. Бойцы спецназа обучены действовать в промежутке между толчками секундной стрелки часов. Они обучены появляться, выполнять свою работу и исчезать за то время, которое требуется врагу, чтобы одна мысль сменила другую. Или же уже не успела сменить. Именно так все и произошло в ночь моего первого убийства. Со своей позиции в углу лагеря я сделал полшага вперед, поднял оружие и нажал на спусковой крючок один раз, затем другой. Благодаря глушителю, который я прикрутил к стволу, звук выстрелов был не громче щелчков компьютерной мышки. Это были просто идеальные выстрелы: оба – в рот. Тот, в дишдаше, упал.

В Силы специального назначения набираются те, кто способен изо дня в день выполнять такую работу и не позволять ей сломать себя... Это история о том, как я стал тем человеком, который всегда идет впереди и который, независимо от степени риска, всегда хочет быть первым.

В Силы специального назначения набираются те, кто способен изо дня в день выполнять такую работу и не позволять ей сломать себя. Я подходил под эти нормативы. Такими бойцами не рождаются, ими становятся. Эта книга – не просто *уроки лидерства*, которые я усвоил за годы своей службы в спецназе. Это история о том, как я стал тем, кем я сейчас являюсь. Это

история о наивном и нежном юноше, чье первое яркое воспоминание — о внезапной смерти его отца. Это рассказ о борьбе, боли и ярости в армии, о тьме и насилии на улицах Эссекса, о днях в зонах боевых действий и о днях, проведенных в тюрьме, о тех днях, когда приходилось спасать девушек, похищенных в чужих землях, и о днях, когда доводилось вытаскивать мужчин из крошечного ада. Это история о том, как я стал тем человеком, который всегда идет впереди и который, независимо от степени риска, всегда хочет быть первым.

...Слышны какие-то странные звуки. По дому ходят какие-то люди, они разговаривают. Шаги. Тяжелые шаги взрослого человека. Этот звук мне незнаком. Я сел в своей постели и попытался окончательно сбросить с себя сон, нажимая тыльной стороной ладоней на веки и протирая глаза. Дело было спустя неделю после Рождества, поэтому я подумал, что, возможно, мама с папой решили устроить вечеринку. Я спустился с верхнего яруса нашей с братом кровати, постель брата была пуста. На комод стояла моя любимая игрушка — пластиковый армейский вертолет, который папа купил мне на пятилетие. Приподнявшись на цыпочки, я толкнул его серые пропеллеры. Я решил забрать вертолет с комода и вдруг услышал чьи-то всхлипывания. Повернувшись на этот звук, я увидел в дверной щели проходившего по коридору полицейского.

Выскользнув из комнаты, я последовал за ним, босиком, в своей серой пижаме, по направлению к спальне родителей. В коридоре я прошел мимо двоих полицейских, которые разговаривали друг с другом и, похоже, не заметили меня. В спальне родителей горел свет. Там была целая толпа полицейских, четверо или пятеро из них сгрудились вокруг кровати. Заинтригованный и взволнованный, я протиснулся между ног стоящих и посмотрел туда, куда были устремлены их взгляды. Под простынями кто-то был. Но,

кто бы он ни был, он не шевелился. Я пододвинулся поближе, чтобы рассмотреть все получше.

– Нет! Нет! Нет! – закричал один из полицейских, наклонился, сжал костлявыми пальцами мое плечо и повел меня обратно по коридору в другую спальню. Там уже находились мои братья – Питер, Майкл и Дэниел. Они смотрели телевизор, который кто-то перенес сюда с нижнего этажа. Я сел в углу, не сказав ни слова.

Затем я помню, как примерно две недели спустя проснулся от того, что меня звала мама: «Энтони! Энтони! Давай, Энтони, просыпайся! Просыпайся, мой любимый!» В спальне горел свет, а надо мной стояли два человека: моя мама и какой-то мужчина, которого я никогда раньше не видел. Он был невероятно высокого роста, с большим носом и длинными темными волосами, спускавшимися ниже плеч. Я не знал, сколько ему лет, но видел, что он был намного моложе мамы.

– Энтони, – сказала она, – познакомься со своим новым папой!

Урок 1

САМ СКАЖИ ИМ, КТО ТЫ

Мне казалось, что мы едем уже несколько дней. Я смотрел в окно, наблюдая за тем, как автомагистраль переходит в обычное шоссе, а затем становится проселочной дорогой, вдоль которой стоят домишки с живой изгородью. С каждой милей нашего путешествия я приближался к той жизни, которую выбрал, все больше отдаляясь от родного дома и всего того, что я любил, ненавидел и чего боялся. Над нами висели облака, похожие на грязные засаленные тряпки, а ноябрьский ветер свистел над крышей нашего «Форда Сиерра», мчавшегося по просторам графства Суррей. Ни я, ни мама, ни мой отчим почти не разговаривали, непогода заполняла тишину. Пока колеса нашей машины шуршали по асфальту, в моей голове проносились тревожные мысли. Правильное ли решение я принял? Найду ли я себя в новой жизни, приживусь ли на новом месте? Или я просто променял одну дыру, полную неожиданностей, на другую? Кем я стану, когда это путешествие закончится? Если бы я тогда знал ответы на все эти вопросы, я